

Русское слово

1

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батыи
Всех черных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснонолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал... Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил – ограда
Птицу русского слова...

Горизонт непонятным
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

2

Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес»...
У французенок яркие блузки,
Видел всяких –и в блузках, и без...

Всё блуждается в том, полудетском
Воспрятьи... Что Бог триедин
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!»... И поймут...

* * *

Позовите меня –
Я приду... И скажу... И заплачу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
эту скользкую, мокрую сдачу–
Пусть содвинут стаканы,
портвейном желудка черня.
И пойдет разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
Неустроенность быта
И вечный мирской неуют...
Будет вечер пустой
мировой пустотою увенчан,
Мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...

И, отспорив свое,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь—
злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
«Уходи подобру-поздорову...»
Опрокинет бутылъ:
«Уходи поскорей, уходи...»
Покачнется и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвердой походкой
Пойдешь вдоль оврага,
пойдешь...
А вокруг – никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит «Иди...»
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

* * *

Всё – поздно, всё – не так...
Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу –
но нету там лица.
И Родину успел, и друга потерять я,
И чёрной полосе
не видится конца.
Ко мне не подходи –
дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом –
и волк вдали завоет...
Но, если я любим,
коснись меня перстом...

* * *

Навестил деревеньку в июле,
Побродил мимо брошенных хат.
Встретил хрóмую бабушку Юлю:
«Мрёт деревня... И кто виноват?...»

Постоял со старухою древней.
Деловито погладив жнивьё,
Прочитал ей стихи про деревню –
Как тоскует вдали от неё.

Сел в машину... Она же, немея,
Вслед глядела: «Матрёнина плоть!..
Жаль, что я так любить не умею –
До заката бы лук прополоть!..»

* * *

Там, где пустошь, василькам не цвести.
Ты сказала: «Хоть трава не расти...»
И ушла, не оглянувшись... И вот
Третий год, как здесь трава не растёт.

Было небо синевы голубей.
Ты сказала: «Не гоняй голубей...»
Только это и успела сказать...
Третий год здесь голубей не видать.

Целовались, но остались на «вы» ...
Третий год ни голубей, ни травы.
Только старая ветла, а над ней
Небеса, что синевы голубей.

Старый домик... Старый дом, отчий дом.
Третий год, как дом пустили на слом.
Третий год здесь ничего не цветет,
Третий год уже пошел, третий год...

* * *

Другое всё – земля и воды,
И эта колющая синь,
И эти мертвенные всходы,
И ложь надуманных святынь...

Бредешь, созвучиям внимая,
Вгрызаясь в черный небосвод,
Туда, где музыка другая
К другой бездонности зовёт.